

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Индивидуальные стратегии рабынь в Оренбургской степи

А. Ю. Перетяtko

Для цитирования: *Перетяtko А. Ю.* Индивидуальные стратегии рабынь в Оренбургской степи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 4. С. 1076–1094. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.414>

Статья посвящена анализу индивидуальных стратегий нескольких рабынь среднеазиатских кочевников второй половины 1850 гг., где под индивидуальной стратегией автор статьи, вслед за К. Гинзбургом, понимает такую деятельность одного человека, совокупность которых формирует социальную конфигурацию общества. Она основана на специфическом корпусе документов, сложившемся именно в это время и хранящемся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области. В 1851 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор В. А. Перовский запретил кочевникам Российской империи держать невольников. Однако следующий оренбургский и самарский генерал-губернатор, А. А. Катенин, более дояльно относился к кочевникам, и в результате в период его управления степью (1857–1860 гг.) к русским властям регулярно обращались как бежавшие от хозяев рабы, так и рабы, выражавшие желание остаться жить у хозяина. В результате российские власти были вынуждены расследовать, насколько добровольно раб живет с хозяином и желает ли он действительно оставаться с ним. Выявленные нами расследования случаев трех женщин-рабынь позволяют понять сходство их индивидуальных стратегий: все они пытались ассимилироваться в общество своих пленителей путем вхождения в семью хозяина. Кроме того, нам удалось обнаружить еще два случая женщин-рабынь (один из них относится к более раннему периоду), в которых расследование не проводилось, но понять индивидуальную стратегию рабыни возможно, и в одном из них мы сталкиваемся с аналогичной стра-

Артем Юрьевич Перетяtko — канд. ист. наук, Университет Черкас Глобал, США, 20036, Колумбия, Вашингтон, Коннектикут Авеню, 1150; Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100; <https://orcid.org/0000-0003-2779-2223>, ArtPeretatko@yandex.ru

Artiom Yu. Peretyatko — PhD (History), Cherkas Global University, 1150, Connecticut Av., Washington, Columbia, 20036, USA; Volgograd State University, 100, pr. Universitetsky, Volgograd, 400062, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0003-2779-2223>, ArtPeretatko@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

тегией. При этом и рабы-мужчины, желавшие остаться с хозяином, в большинстве выявленных нами случаев описывали отношения с хозяином через членство в его семье, называя его отцом, братом и т. п. Таким образом, разобранные документы показывают, что часть рабов среднеазиатских кочевников XIX в. следовало индивидуальной стратегии ассимиляции в общество своих пленителей, и для тех из них, кто сумел успешно ее реализовать, освобождение российскими властями было чисто формальным и не повлияло на их реальный статус.

Ключевые слова: рабство, Средняя Азия, микроистория, работорговля, женское рабство.

Individual Social Strategies of Female Slaves in the Orenburg Steppe

A. Yu. Peretyatko

For citation: Peretyatko A. Yu. Individual Social Strategies of Female Slaves in the Orenburg Steppe. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 4, pp. 1076–1094. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.414> (In Russian)

The article is dedicated to analyzing individual social strategies of several female slaves of the Middle Asian nomads of the second half of the 1850s. (by the individual strategy the author of the article, following K. Ginzburg, understand such activity of each person, the totality of which forms the social configuration of society). It is based on a corpus of documents developed at that time and stored at the Joint State Archive of Orenburg Region. In 1851, the Orenburg and Samara Military Governor V. A. Perovsky banned the nomads of the Russian Empire from owning captives. But the next Orenburg and Samara Military Governor, A. A. Katenin, treated nomads more favorably. During his administration of the Steppe (1857–1860) Russian authorities were contacted by both runaway slaves and slaves who wanted to stay with their master. As a result, Russian authorities were forced to investigate these cases. The found investigations of three cases of female slaves show the similarities of their individual strategies: they tried to assimilate into their captors' society by joining their master's family. We've also found two cases of female slaves (one from an earlier period), in which the investigation was never made, but their individual strategies can still be understood, and in one of them we see a similar strategy. Even male slaves who wanted to stay with their master were in most cases describing their relationships as them being part of master's family, calling him "father", "brother" etc. Thus, the analyzed documents show that part of the slaves of Middle Asian nomads of the 19th century followed an individual strategy of assimilating into the captors' society, and for those who succeeded the emancipation by Russian authorities was just a formality.

Keywords: slavery, Middle Asia, microhistory, slave trade, female slavery.

Описывая основные особенности итальянских микроисторических исследований, К. Гинзбург обращает внимание на то, что «ключевым принципом для них служит не аналогия, а аномалия»¹. Объясняя и оправдывая такой подход, классик исторической науки XX в. пишет, что, во-первых, «наиболее отклоняющаяся от нормы документация потенциально содержит наиболее богатые результаты», а во-вторых, применение подобного подхода позволяет нам увидеть социальную конфигурацию общества как «результат взаимодействия бесчисленных индиви-

¹ Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. С. 312.

дуальных стратегий: плотное переплетение, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению»².

Напротив, с точки зрения К. Гинзбурга, опора на «серийные данные» (типичную, повторяющуюся документацию) ведет к сужению и искажению поля зрения историка. Прежде всего это происходит потому, что сама документация неизбежно носит «искажающий характер», поскольку различные группы общества производят ее неравномерно. При этом опирающийся на «серийные данные» историк игнорирует особенности документации «ради требований однородности и сравнимости», если вообще не отказывается от рассмотрения отдельных, не укладываемых в серию фактов³. Выход из этого К. Гинзбург видит в следующем: «Всякий документ, даже самый аномальный, может быть помещен в некоторую серию. Более того: будучи адекватно проанализирован, он может пролить свет на более широкую серию документов»⁴.

Эти рассуждения принципиально важны для нас, потому что в данной статье мы будем рассматривать как раз то, что является «аномалиями» в рамках терминологии К. Гинзбурга: редкие, несерийные факты, документацию, в которой отражены индивидуальные стратегии той части общества, которая обычно не фиксировала их на бумаге. Нас будут интересовать женщины, оказавшиеся в рабстве у кочевников Средней Азии в XIX столетии.

Здесь следует отметить, что, если для кавказского рабства тема женщин-пленниц является одной из центральных, и существуют исследования, специально посвященные кавказским рабыням⁵, то в случае со Средней Азией женское рабство остается малоизученным. И одной из причин этого следует считать как раз «искажающий характер» документации. Если в архивных материалах среднеазиатских ханств отложились материалы о рабынях⁶, то в выявленных до настоящего времени документах оренбургских властей XIX в. о работоторговле и борьбе с ней рабыни почти не упоминаются. В тех же немногочисленных случаях, когда в документах сообщается хотя бы имя рабыни, сама она обычно объективируется, выступая в качестве своеобразного приложения к мужу, что проявляется даже в лексических конструкциях. В документах фигурируют, например, «Хусеин Касымов и жена Бурсулие», «Мухамет Нур-Мухаметов и жена его Батыма Мухаметова», которые в 1840-х гг. были отправлены на родину, в Персию⁷. Действительно, в отличие от мужчин, рабыни почти не совершали самостоятельных побегов (нам пока удалось выявить один подобный случай, который мы опишем в конце своей статьи), и поэтому у российских властей долго не было необходимости контактировать с ними как с самостоятельными субъектами. Таким образом, в рамках российской документации о Средней Азии XIX в. нарративы о рабынях представлены крайне слабо,

² Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю. С. 312.

³ Там же. С. 299.

⁴ Там же.

⁵ Šmigel M. *Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the «Live Goods» // Slavery: Theory and Practice. 2020. № 5 (1). P. 19–36.*

⁶ Исмаилова С. К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX — начале XX в. // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1973. № 2 (72). С. 20–30.

⁷ Дело об отпуске в Ново-Петровском укреплении продовольствия на содержание россиян, освобожденных из туркменского плена // Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее ОГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15–16.

что препятствует использованию этих немногочисленных нарративов в качестве «серийных данных».

К этому следует добавить еще и то, что жанр «невольничьих повествований», то есть описаний рабства самим невольниками, получил распространение только в США (это, по определению И. М. Удлер, «уникальный англо-американский документально-публицистический жанр»⁸). Уникальность и важность этого жанра, с точки зрения его исследователей, состоит в том, что только сами рабы могли ответить на такие, например, вопросы: «Что толкало их на жестокие и безуспешные восстания? А когда они были вынуждены притворно подчиняться, какова была природа их “приспособления” к рабству? Или каково влияние рабства на личность и поведение беглецов с плантаций?»⁹ Однако в случае с историей Российской империи подобные вопросы, предусматривающие анализ индивидуальных стратегий отдельных рабов, не были в полной мере поставлены ни современниками, ни позднейшими исследователями. Напротив, борьба с рабством часто рассматривается максимально масштабно, на общегосударственном уровне. Логическим завершением подобного подхода является позиция В. Сандерленда, который обоснованно рассматривает российскую антирабовладельческую политику и освобождение крестьян как части единого «имперского процесса», растянувшегося на много десятилетий¹⁰.

Безусловно, если рассматривать историю исключительно в масштабе «имперских процессов», индивидуальные стратегии нескольких рабынь могут показаться неважными. Нам, однако, кажется не менее обоснованной точка зрения К. Гинзбурга, который считает, что «общую картину исторического процесса» следует уточнять «за счет выявления бесспорных исключений и краткосрочных причин»¹¹. В конце концов, если мы исследуем борьбу с рабством, кажется логичным хотя бы попытаться узнать, что думали на этот счет освобождаемые рабы и рабыни.

Соответственно, в нашей статье речь пойдет об индивидуальных стратегиях нескольких женщин, находившихся в XIX столетии в рабстве у кочевников Средней Азии. При этом мы будем опираться именно на документацию, созданную с их участием, на их своеобразные «невольничьи повествования»: на их показания и обращения к оренбургским властям или подробные пересказы этих показаний и обращений. Понятно, что, с учетом описанной выше специфики документации оренбургских властей, подобных женщин будет немного: мы рассмотрели около 30 дел Объединенного государственного архива Оренбургской области и выявили более 200 невольников, чьи индивидуальные стратегии можно восстановить, однако женщин в их числе оказалось всего пять. При этом индивидуальные стратегии этих женщин, на первый взгляд, выглядят достаточно аномально, в чем мы убедимся далее; поэтому, чтобы понять логику этой аномалии и встроить документацию

⁸ Удлер И. М. Становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII–XIX веках // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2009. Т. 1, № 3. С. 88.

⁹ Удлер И. М. Афроамериканские «невольничьи повествования» как документальный источник истории рабства в США // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 5 (143). С. 121.

¹⁰ Sunderland W. The Greatest Emancipator: Abolition and Empire in Tsarist Russia // Journal of Modern History. 2021. Vol. 93, no. 3. pp. 566–598.

¹¹ Гинзбург К. Микроистория. С. 305.

об этих пленниках в широкую серию документов (и лучше понять некоторые нюансы этих документов), нам придется начать издалека.

Позиция властей Российской империи в отношении среднеазиатского рабовладения была значительно сложнее, чем зачастую позиционируется исследователями. Еще российские дореволюционные авторы пытались доказать, что активная завоевательная политика России в Средней Азии была обусловлена борьбой с набегами кочевников, грабившими и захватывавшими рабов. Например, оренбургский дореволюционный историк-любитель С. Н. Севастьянов в одном из своих трудов интерпретировал все захваты русских пленников среднеазиатскими кочевниками как предысторию неудачной экспедиции В. А. Перовского против Хивинского ханства в 1839–1840 гг. и на этом основании делал вывод, что «все события, предшествовавшие экспедиции Перовского, оправдывали принятое им решение»¹². Еще определеннее высказывался генерал-лейтенант М. А. Терентьев в фундаментальной «Истории завоевания Средней Азии»: «Много вынесла Россия грозных набегов со стороны диких кочевников, выходивших из той же Средней Азии. Узкоглазая, скуластая, злая фигура давно знакома была нашим предкам»¹³. И в современной российской историографии представлено мнение о том, что «регулярные разорительные набеги кочевников наталкивали на мысль о необходимости приведения их к русскому подданству и строгого принуждения к русским законам»¹⁴. Безусловно, российская экспансия в Среднюю Азию была связана не только с борьбой против набегов и работорговли, но и с экономическими, и с политическими факторами (данный вопрос подробно разобран А. Моррисон в монографии с характерным названием «Российское завоевание Средней Азии: исследование имперской экспансии, 1814–1914»¹⁵). Значительное влияние на ход и даже сам характер этой экспансии оказывали и особенности личностей наиболее влиятельных российских пограничных чиновников, в том числе их отношение к рабовладельческим практикам кочевников, которое могло различаться в деталях (эту тему изучал Р. Ю. Почекаев, посвятивший ей монографию «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в.»¹⁶). Однако в целом власти Российской империи со среднеазиатским рабством, безусловно, боролись, но с некоторыми нюансами.

Известные нам первоисточники, материалы российских пограничных властей XIX в., порой исполнены антирабовладельческого пафоса, но преимущественно в тех случаях, когда речь идет о русских пленниках. Само понятие «русские пленники» (в различных вариантах — «русские пленные», «российские пленники» и т. д.) очень характерно для дискурса оренбургских пограничных властей и использовалось ими для обозначения тех людей, которых они желали освободить из реально-

¹² *Севастьянов С. Н.* События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95–148.

¹³ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. I. СПб., 1906. С. XV–XVI.

¹⁴ *Андерсон К. М., Тальская О. Д.* Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. С. 25.

¹⁵ *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021.

¹⁶ *Почекаев Р. Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М., 2017.

го или кажущегося плена. В эту категорию попадали как находящиеся в реальном рабстве, так и уже освобожденные, но не вернувшиеся на родину подданные Российской империи, независимо от их этнической принадлежности, а также их дети, родившиеся в неподконтрольной России Средней Азии, а в одном случае даже русский дезертир, добровольно перешедший на службу Персии и захваченный в статусе солдата персидской армии¹⁷.

В 1831 г. начальник Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс в записке с характерным названием «О находящихся в Хиве российских пленниках» писал: «Пленники страдают в самой тяжелой неволе, семейства их, оставшиеся в России, находятся частью без способов к пропитанию»¹⁸. В итоге высокопоставленный российский чиновник приходил к выводу, что «должно принять решительные меры к освобождению пленных», но из контекста видно, что он имел в виду исключительно «российских пленников», а другие категории находящихся в Хиве рабов в его записке даже не упоминаются¹⁹. И действительно, по итогам экспедиции В. А. Перовского в Хивинское ханство 1839–1840 гг. были освобождены исключительно русские (из нарратива современника: «Он (хивинский хан Аллакули. — А. П.) освободил собственных своих невольников (из русских)»; «Он (российский представитель в Хиве. — А. П.) лично мог удостовериться, действительно ли освобождены из неволи все русские»)²⁰. Современный исследователь А. В. Кочнев в этом основании, а также изучив показания освобожденных в ходе данной экспедиции рабов, пришел к выводам, что на самом деле условия их содержания не были жестокими, а вопрос их освобождения был «вопросом престижа в глазах собственного народа <...> и на внешнеполитической арене, а также поводом для введения своих войск на территорию Хивинского ханства»²¹. Таким образом, Российская империя в Средней Азии прежде всего боролась за то, чтобы защитить от захватов в рабство своих граждан, а ликвидация работорговли и рабовладения в принципе не были приоритетами российской политики.

Это привело к любопытному казусу. При всем возмущении хивинским рабовладением российские власти де-факто не препятствовали своим кочевым подданным владеть рабами до февраля 1852 г., когда в лояльные Российской империи кочевья от лица оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского было разослано циркулярное предписание № 1648 от 31 декабря 1851 г., предполагавшее, что «киргизам Оренбургского ведомства воспрещено держать у себя пленников, приобретенных покупкой или другим каким путем, под опасением подвергнуться за нарушение этого денежному штрафу до 150 руб. сер<ебром> за каждого пленника и заключению на 6 месяцев в тюрьму или же, смотря по важности сопряженных с приобретением пленника обстоятельств, лишению всех прав состоя-

¹⁷ *Peretyatko A. Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // Blye Gody. 2023. Issue 18 (2). P. 619–632.*

¹⁸ Дело о мерах, принимаемых Азиатским департаментом, по освобождению российских людей из бухарского и хивинского плена // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 22–29.

²⁰ *Иванин М. И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. С. 157.*

²¹ *Кочнев А. В. Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII — начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 103.*

ния и ссылке в Сибирь»²². На практике, однако, с реализацией этого циркулярного постановления возникли серьезные проблемы, и де-факто принявшие российское подданство кочевники еще какое-то время могли владеть рабами.

Тому было две причины. Первая из них нам менее интересна: в 1850-х гг. российская администрация просто не обладала должными ресурсами, чтобы в полной мере контролировать кочевников. Ограничимся несколькими примерами, демонстрирующими это и касающимися персоналий, о которых мы еще будем писать в дальнейшем. В 1859 г. российский чиновник, прибывший контролировать сбор кибиточной подати в Кыркмултуково отделение Ашевского рода²³, обнаружил там «какую-то женщину постороннего сословия», которая оказалась русской подданной Анжиретой Хисамутдиновой, за несколько лет до этого захваченной в плен туркменами²⁴. Выяснилось, что девушку «из сострадания к ней, как к единоверке» выкупили у туркмен киргизы, однако не отпустили на родину, а выдали замуж в своей среде (строго говоря, даже дважды выдали замуж — сперва за ее спасителя, который почти сразу умер, а потом за другого киргиза)²⁵. Сама А. Хисамутдинова (которой на момент спасения русским офицером было 20 лет, а это значит, что в рабство она попала подростком) сообщала, что «она не объявляла о своем происхождении ни ордынцам, ни приезжавшим туда русским торговцам, словом, никому, и никто ее о том не спрашивал»²⁶. Таким образом, А. Хисамутдинову, судя по материалам российских властей, хозяева даже не прятали специально, но она вела себя настолько пассивно, что ее можно было обнаружить только случайно. Впрочем, в других случаях рабов именно прятали. Так, афганка Бабижана Мурхаджубекова на 1852 г. принадлежала некоему Беркенбаю Турумбаеву, который, «чтобы не подвергаться законной ответственности», передал женщину некоему Кутебасову, умершему в 1857 г., после чего она досталась сыну последнего, Амралию Кутебасову²⁷. Итак, чтобы освободить раба, российские власти должны были как минимум узнать о нем, что в реалиях даже формально подчиненной России части степи было не всегда простой задачей.

Однако для нас любопытнее вторая причина. Далеко не все рабы хотели покидать хозяев. Неоднократно имели место случаи, когда некогда захваченные кочевниками люди сами обращались к российским властям с просьбой не возвращать их на родину, но узаконить их пребывание в семьях, в которых они находились в рабстве. Так, в 1859 г. в Оренбургскую пограничную комиссию сами явились бий Азберген Мугайтмасов и юный (18-летний) перс (точнее, «персиянин», согласно документу) Алий²⁸. Оказалось, что Алий был захвачен ребенком и не помнит ни родителей, ни того, откуда он²⁹. Когда Алию было около 10 лет, его купил Бикнияз Айкучев, кото-

²² Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7400. Л. 13.

²³ Здесь и далее имена, географические названия, названия киргизских родов и т. п. приводятся в соответствии с архивными документами.

²⁴ Дело об освобождении российских подданных из бухарского и хивинского плена // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 20–20 об.

²⁵ Там же. Л. 20 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 27 об.

²⁸ Дело об освобождении российских подданных из бухарского и хивинского плена. Л. 23.

²⁹ Там же.

рый не загружал мальчика работой, но использовал его «вроде вестового»³⁰. Затем Алия продали Азбергену Мугайтмасову за 81 тилле, причем, судя по сообщаемой в документе хронологии, это было в 1858 г., то есть после запрета лояльным России кочевникам иметь рабов³¹. Алий заявлял, что не желает возвращаться в Персию, «потому что там никого не знает и, есть ли какие у него там родственники, сведений не имеет, а желает вступить в подданство России и причислиться к киргизам Оренбургского ведомства, с тем, чтобы жить всегда у Бия Азбергена Мугайтмасова»³². Несмотря на то что А. Мугайтмасов купил раба после запрета рабовладения, в документах нет никаких следов того, чтобы ему за это предъявлялось обвинение, зато оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин разрешил Алию принять русское подданство и жить у А. Мугайтмасова³³.

Отметим, что в рассмотренных нами делах конца 1850-х гг. пожелавшие остаться с хозяевами рабы составляют заметную долю всех упоминаемых невольников. Нами было проанализировано три больших по объему дела, относящихся к этому периоду. В первом из этих дел из 18 рабов, чьи показания пересказаны подробно, желали покинуть хозяев 11, а остаться в текущем месте жительства семеро (причем пятеро из них утверждали, что живут у хозяина как «сыновья», почитают хозяина за «отца» и т. п.)³⁴. Во втором деле из шести рабов, чьи показания пересказаны подробно, желали покинуть хозяев четверо, а остаться в текущем месте жительства — двое (первый из них утверждал, что жил у хозяина как «брат», а второй — что его хозяин на самом деле выкупил его из рабства и «за такое его человеколюбие и добродетель я обещался ему сколько можно услужить; но не в видах порабощения, а свободно»)³⁵. В третьем деле большая часть рабов принадлежит к другому типу («русские пленники», освобожденные из Бухары), а из двух рабов, живших у лояльных России кочевников, одна желала покинуть хозяина (упомянутая выше А. Хисамутдинова), а один желал остаться в текущем месте жительства (упомянутый выше перс Алий)³⁶. Среди рабов, о которых содержится меньше сведений, многие тоже хотели остаться с хозяевами: например, в 1860 г. власти искали информацию об оставшемся с хозяином бывшем рабе по имени Назар, живущем в Восточной части степи, и оказалось, что в документах прошлого десятилетия фигурируют три таких человека³⁷.

Разумеется, некоторые хозяева использовали подобные случаи в своих целях и, когда российские власти обвиняли их в рабовладении, начинали оправдываться тем, что рабы жили с ними добровольно. Примечательна в этом отношении история некоего Рака. В 1859 г. его передал Оренбургской пограничной комиссии управляющей средней частью орды султан, указав, что Рак с 1855 г. жил «в отряде

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 23–23 об.

³³ Там же. Л. 24.

³⁴ Дело о высылке на родину азиатов, освобожденных из киргизского плена // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7622. Л. 5–91.

³⁵ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 1–44.

³⁶ Дело об освобождении российских подданных из бухарского и хивинского плена. Л. 21–23 об.

³⁷ Дело о высылке на родину азиатов, освобожденных из киргизского плена. Л. 17 об. — 18.

Мертвецовском у разных жителей», а теперь явился к российским властям³⁸. История Рака в чем-то напоминала историю Алия: он был чужеземцем (каракалпаком), в детстве проданным в рабство кочевнику Каре Тапекеневу³⁹. Рак, которому было 40 лет, прожил у хозяина большую часть жизни, но, видимо, ему там не нравилось, и, когда на аул хозяина напал казачий отряд, раб сбежал, после чего и отправился в Мертвецовский форпост⁴⁰. О том, зачем он раскрыл свое настоящее имя и явился к российским властям, в документе сообщается следующее: «Ныне же, узнав от киргизов, что бывший хозяин его, Тапекенев, разыскивает его с намерением снова обратить в рабство, и не желая более находиться у него в неволе, он, Рак, и явился к Султану Правителю Подполковнику Баймухаммедову, и просил избавить его от всяких притязаний киргиза Тапекенева»⁴¹. Однако К. Тапекенев заявил, что Рак жил у него «как товарищ и хозяин всего скотоводства», а искал он пропавшего раба «с тем, чтобы принять его к себе по прежнему для совместного проживания»⁴². В итоге российские власти приказали тщательно следить, «чтобы Рак проживал между ордынцами свободно и отнюдь не был обращен ни к кому в рабство», но К. Тапекенев никакому наказанию подвергнут не был (о некоторых причинах этого будет сказано ниже)⁴³. Были и другие случаи, когда показания раба и хозяина расходились: до нас дошли даже материалы одного расследования, учиненного в связи с тем, что некий Ирназар Иралиев утверждал, будто бы был невольником, причем хозяин «делал ему жестокие побои и истязания». Этот же хозяин, Казбек Карджавов, доказывал, будто бы Ирназар Иралиев был у него работником, а не рабом⁴⁴. Для нас эти случаи важны, потому что они свидетельствуют, что как минимум в части случаев показания бывших рабов, снятые российскими властями, демонстрируют их личную позицию, а не навязаны хозяевами.

Наконец, следует добавить, что в 1857–1860 гг. оренбургским и самарским генерал-губернатором был А. А. Катенин, достаточно лояльно относившийся к мусульманским кочевникам. Вот как описывала его политику близкая к официозу «Военная энциклопедия» И. Д. Сытина (при цитировании нами убраны сокращения): «Крутые меры его предшественника, графа Перовского, не смогли обуздать хищников и лишь озлобили их. Катенин тотчас же циркулярно оповестил киргизов, что если они смирятся, то будут прощены»⁴⁵. К сожалению, специальных крупных исследований, посвященных А. А. Катенину, нет до сих пор, однако С. А. Асанова в небольшом докладе «Оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин и его взгляд на перспективы взаимодействия в киргизско-туркменском пограничье» приходит к выводу: А. А. Катенин отстаивал идеи, «что продвижение в глубь Туркмении целесообразнее осуществлять не боевыми действиями, а договоренностью с местными ханами и беками»⁴⁶. И действительно, в конце 1850 гг. россий-

³⁸ Дело об отправке на родину азиатов, освобожденных из киргизского плена. Л. 36.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 36 об.

⁴² Там же. Л. 37.

⁴³ Там же. Л. 37 об.

⁴⁴ Дело о высылке на родину азиатов, освобожденных из киргизского плена. Л. 54–74 об.

⁴⁵ Военная энциклопедия. Т. 12. СПб., 1913. С. 455.

⁴⁶ Асанова С. А. Оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин и его взгляд на перспективы взаимодействия в киргизско-туркменском пограничье // X Большаковские чтения.

ские чиновники не просто внимательно относились к кочевникам, но и учитывали различные нюансы их положения. Так, при рассмотрении случая с рабом Раком члены Оренбургской пограничной комиссии приняли во внимание, «что Чумичли-Табынцы (род, к которому принадлежал К. Тапекенев. — А. П.) по отдаленности кочевания их от Оренбургской линии не вполне еще понимают обязанности исключительного подданства своего России», а «самое проживание Рака у Тапекенева было до времени участия Чумичли-Табынцев в мятеже и дарования им вообще прощения»⁴⁷.

В результате документы конца 1850-х гг. о нерусских рабах кочевников, лояльных Российской империи, обладают определенной спецификой. В них нередко описываются индивидуальные стратегии хозяина и раба. Кроме того, в 1850-х гг. рабыням для освобождения уже не нужно было бежать: как мы уже писали выше, рабов теперь освобождали в случае случайной встречи с российским офицером или даже по инициативе хозяина. В результате в числе освобождаемых самостоятельных субъектов начинают появляться женщины, и рабыни становятся главными героинями документов. Тем не менее случаи освобождения рабынь, выступающих самостоятельными субъектами, без мужчины-раба, судя по всему, были необычны для российских чиновников, и поэтому связанные с ними документы достаточно подробны. Нам пока удалось выявить три случая, когда в конце 1850-х гг. освобождалась выступающая самостоятельным субъектом рабыня, и каждый из них сопровождался целым расследованием, предназначенным для того, чтобы разобраться в ситуации. В результате в этих трех случаях индивидуальные стратегии находившихся в рабстве субъектов зафиксированы особенно подробно, и они оказываются интересны в контексте индивидуальных стратегий мужчин-рабов, ведших себя схожим образом, но при этом не оставивших столь подробных «невольничьих повествований».

Наиболее простым для расследования был случай туркменки Нурбики Кужентеловой, которая в 1858 г. сама обратилась к российским властям⁴⁸. За три года до этого она была захвачена киргизами во время баранты (захват скота, но не обычный, а представляющий собой акт возмездия хозяевам этого скота) и в итоге оказалась у некоего Тюлянбая, который выдал ее замуж за своего родственника Татия Ходжанова⁴⁹. Девушка, судя по всему, была полностью удовлетворена своим новым статусом, однако до нее дошла информация, что туркменских пленников могут вернуть на родину⁵⁰. Соответственно, она обратилась к властям с прошением «остаться в степи при ее муже, с причислением к киргизам Чиклинского рода Каракисякова отделения», ссылаясь на то, что «у ней на родине не имеется никого из ближних»⁵¹.

В данном случае первоначально заявленное женщиной объяснение того, почему она не пожелала быть возвращенной на родину, вопросов у российских чиновников не вызвало. Кроме того, ее муж лично не участвовал ни в ее захвате, ни в ее

Оренбургский край как историко-культурный феномен: в 2 т. Т. 1. Оренбург, 2020. С. 70.

⁴⁷ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 37 об.

⁴⁸ Там же. Л. 23.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 23–23 об.

покупке. Соответственно, властей интересовало только то, насколько сообщенные Н. Кужентеловой сведения правдивы, «действительно ли Кужентелова вышла в замужество за помянутого киргиза и желает остаться в степи с причислением к киргизам»⁵². Напомним, в это время наблюдались ситуации, когда показания хозяина и раба сильно расходились и кочевники вполне могли принудить не имеющую родственников девушку солгать властям, чтобы не лишиться молодой рабыни. Однако проведенное расследование показало, что Н. Кужентелова не врет; более того, проводивший его чиновник заявил, что «полагает и с своей стороны оставить ее в степи при ее муже с причислением к киргизам означенного рода»⁵³. В итоге А. А. Катенин разрешил ей остаться с мужем⁵⁴.

Таким образом, сам статус Н. Кужентеловой в российских архивных документах оказывается размыт. Этому способствует и специфический дискурс документов, в которых чаще используется понятие «пленник», а не «раб»⁵⁵. Соответственно, рассматриваемый нами документ предельно четко фиксирует, что изначально Н. Кужентелова была пленницей (так как ее насильно захватили во время баранты), но к моменту обращения к российским властям стала законной женой свободного кочевника (что подтвердило специально проведенное расследование). О деталях ее рабского статуса упоминается мимоходом, только в связи со сменой хозяев: указывается, что сперва захватчики продали ее неизвестному киргизу, а затем тот передал ее Тюлянбаю⁵⁶. Соответственно, мы можем видеть, что изначально Н. Кужентелова была именно рабыней, живым товаром, предназначенным для продажи, но в какой момент она перестала им быть (кстати, перестала ли?), не ясно: из документа не понятно ни то, как и на каких условиях она досталась Тюлянбаю, ни то, насколько добровольно он выдал ее замуж.

Итак, индивидуальные стратегии Н. Кужентеловой и ее хозяина Тюлянбая были направлены на ассимиляцию девушки в то общество, где она была рабыней. С учетом ее гендерной специфики эта ассимиляция производилась через брак с родственником хозяина. Удачный брак и смена статуса привели к тому, что формальное освобождение российскими властями оказалось просто не нужно девушке. Это позволяет поставить связанную с ней документацию в один ряд с документацией о тех мужчинах-рабах, которые позиционировали своих хозяев отцами и братьями. В условиях патриархального рабства раб при определенной удаче мог войти в семью хозяина независимо от пола: до нас дошли документы, где раб, Якуб Тюлебаев, не просто позиционировал себя сыном умершего хозяина, Тюлебая Кубина, но и взял патроним по его имени, а дети Тюлебая заявили, что «Якупа считали всегда за брата, а не за невольника» и у него есть значительное собственное имущество⁵⁷. Соответственно, по крайней мере, в части случаев, когда рабы хотели остаться с хозяевами, позиционируя себя в качестве членов их семей, они говорили правду.

⁵² Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 23 об.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 26.

⁵⁵ *Peretyatko A. Yu. Captives, Slaves, Freeman.* P. 619–632.

⁵⁶ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 23.

⁵⁷ Дело о высылке на родину азиатов, освобожденных из киргизского плена. Л. 91–92, 97.

Однако ассимиляция в общество пленителей через брак не всегда была удачной. Здесь уместно вернуться к случаю Анжиреты Хисамутдиновой. Как мы помним, ее из сострадания выкупили у туркмен киргизы, причем выкупивший ее кочевник женился на девушке. Однако это не поменяло ее статуса как живого товара: после смерти ее мужа Кинжала Асаева его брат Суюнучбек продал ее некоему Казбекову⁵⁸. Казбеков, в свою очередь, насильно выдал ее замуж за еще одного кочевника, Мамбета⁵⁹. Понятно, что в данном случае, в отличие от случая Н. Кужентеловой, муж пленницы был явно виновен в рабовладении, что побудило российских чиновников обратить более пристальное внимание на эту историю и зафиксировать показания всех сторон более подробно.

Семейство Асаевых утверждало, что получило от Казбекова за А. Хисамутдинову не плату, а калым⁶⁰. Сама девушка не только признала, что никому не рассказывала о своем происхождении, но и вообще заявила, что «если бы ей нашелся в степи жених по ее желанию, то она осталась бы там»⁶¹. Кстати, в показаниях А. Хисамутдиновой нет никаких упоминаний о том, что ее первый брак с К. Асаевым носил принудительный характер. И в итоге Оренбургская пограничная комиссия пришла к выводу, что «Хисамутдинова во время проживания своего в степи не открыла настоящего происхождения и находилась в замужестве, следовательно, жизнь ее не была рабская»⁶².

Мы видим, насколько в 1850-х гг. была тонка грань между женщиной и рабыней у лояльных России кочевников: не только местные обычаи, но и российский орган управления степью признал право главы семьи насильно выдавать девушку из своей семьи замуж, получив за это калым. С другой стороны, жизнь А. Хисамутдиновой в степи, очевидно, не была такой уж ужасной, раз она была готова остаться там, если бы нашелся более симпатичный ей кочевник, который взял бы ее замуж. Кстати, старшая сестра А. Хисамутдиновой, З. Хисамутдинова, была выдана замуж ее отцом, оседлым торговцем-татаринном, как раз за кочевника⁶³. Заслуживает внимания и тот факт, что А. Хисамутдинова просто не вполне понимала, где и у кого ей жить дальше. Ее отец умер, сестру убили во время набега, и первоначально девушка изъявила желание «остаться в Оренбурге и приписаться к мещанскому сословию»⁶⁴. Однако позже бывшая рабыня отказалась от своего намерения, решив вернуться «на родину в г. Петропавловск, где у ней находятся родственники, мачеха Кантык и троюродный брат Мухаммед-Шариф Кинзятаев, а также и знакомые, и что она в Петропавловске надеется найти более средств к пропитанию»⁶⁵. В условиях подобной дезориентации выход замуж по собственному желанию за кочевника действительно мог казаться неплохим вариантом индивидуальной стратегии.

Нам же важно зафиксировать, что, контактируя с женщинами, плененными кочевниками, российские чиновники затруднялись в определении их статуса: и в случае с Н. Кужентеловой, и в случае с А. Хисамутдиновой потребовалось специальное

⁵⁸ Дело об освобождении российских подданных из бухарского и хивинского плена. Л. 20 об.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же Л. 21.

⁶¹ Там же. Л. 20 об.

⁶² Там же. Л. 21 об.

⁶³ Там же. Л. 20.

⁶⁴ Там же. Л. 20–21 об.

⁶⁵ Там же. Л. 25–25 об.

разбирательство, причем в обоих случаях девушек отказались считать рабынями, хотя А. Хисамутдинова была фактически куплена и выдана замуж против своей воли. Подобное положение дел могло порождать серьезные проблемы при выборе индивидуальной стратегии уже у российского чиновника: человек, иногда совершенно не понимающий мусульманской/кочевой культуры, был вынужден принимать решения, от которых зависела судьба бывших рабов и их хозяев. И здесь мы переходим к самому интересному и неоднозначному случаю из выявленных нами, к случаю Бабижаны Мурхаджубековой.

В сентябре 1858 г. до полковника В. Д. Дандевилья, возвращавшегося с отрядом из степи, дошли слухи, будто бы на озере Ак-Куль местные кочевники будут справлять похороны и устроят скачки, где «первый приз будет состоять из пленника (раба), верблюда и лошади»⁶⁶. Выше мы видели, что Оренбургская пограничная комиссия в этот период действовала в целом крайне осторожно, регулярно оправдывала кочевников, обвиненных в рабовладении, и вообще с долей понимания относилась к местной специфике. В. Д. Дандевилья, напротив, действовал предельно быстро и решительно, причем подобное поведение с его стороны, возможно, объяснялось личным неприятием рабства. Как отмечает Р. Ю. Почекаев, именно В. Д. Дандевилья во время одной из своих экспедиций в степь вступал «в вооруженные столкновения с туркменами для освобождения персидских рабов»⁶⁷. В данном же случае полковник отправился на место предполагаемых скачек, их организатора не застал, но обратился к местному начальнику (кочевнику, получившему от вышестоящих российских властей полномочия следить за порядком в степи), указывая на «противозаконность как содержания в аулах рабов, так и, в особенности, выставку их на призы» и требуя раба для допроса⁶⁸. Местный начальник, Сапак Мусульманов, заявил о том, что «слух этот распущен только для придания большей гласности о щедрости хозяина и привлечения народа», и поэтому «назначена в приз старая и изувеченная женщина, которую, вероятно, выигравший приз не возьмет»⁶⁹. Как мы видим, ничего противозаконного в том, чтобы выставлять рабыню в качестве приза на скачках, при условии, что она реально останется у прежнего хозяина, не видели не только простые кочевники, но даже специально избранный русскими для контроля участка степи из их среды человек. Да и сама рабыня, когда ее привели к полковнику, заявила, что «она с малолетства живет в ауле, не помнит, откуда привезена, и не желает оставить своего хозяина, которым довольна»⁷⁰.

В. Д. Дандевилья к подобному развитию событий оказался совершенно не готов. Он даже не зафиксировал имени рабыни. Полковник просто не поверил допрошенным им лицам и предположил, будто бы «эта женщина была показана ему для отвлечения только подозрения в действительной выставке на приз пленника»⁷¹. Затем он фактически ретировался, «не имея возможности остаться до следующего дня, назначенного для скачки, а также времени и средств на то, чтоб сделать более

⁶⁶ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 12.

⁶⁷ Почекаев Р. Ю. Участники российских морских экспедиций о международноправовом положении кочевников Восточного Прикаспия в XVIII–XIX вв. // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 139.

⁶⁸ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 12 об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

точное дознание»⁷². Единственным его реальным действием был приказ С. Мусульманову, «чтобы на приз отнюдь не было выставляемо ни пленника, ни видимой им женщины» (любопытно, что этот приказ еще раз подтверждает, что В. Д. Дандевиль действительно не верил, что говорил с выставленной в качестве приза рабыней)⁷³.

В ходе последовавшего за этим расследования оказалось, что старую рабыню зовут Бабижаной Мурхаджубековой, а ее хозяина — Амралий Кутебасов (о них мы уже упоминали выше)⁷⁴. А. Кутебасов, посаженный в острог, заявил, что ничего не слышал о запрете держать пленников, а призом на скачках рабыню выставил «по киргизскому обыкновению с собственного ее желания, единственно для предания большего значения скачке и привлечения народа»⁷⁵. Оренбургская пограничная комиссия в целом встала на его сторону. Она обратила внимание на грубые ошибки при распространении в 1852 г. циркулярного предписания о запрете держать пленников: оказалось, что его рассылали «кипами», то есть большими связками бумаг к высшему степному начальству, из-за чего до простых кочевников распоряжение могло не дойти⁷⁶. Кстати, из соответствующего описания видно, что при А. А. Катенине и более аккуратно рассылаемые указания доходили не до всех лояльных России кочевников, поэтому для распространения в их среде важнейшей информации специально посылали в степь чиновников Оренбургской пограничной комиссии⁷⁷. Кроме того, комиссия указывала, что, поскольку Б. Мурхаджубекова в любом случае желала остаться с хозяином, у последнего не было реальных причин скрывать ее от властей, подвергаясь угрозе штрафа и даже ссылки в Сибирь⁷⁸. Наконец, чиновники комиссии честно признавали, что А. Кутебасов не первый кочевник, который утверждает, что держит рабыню по незнанию предписания об освобождении пленников, и что подобная ситуация в степи сохраняется⁷⁹.

Б. Мурхаджубекова в общих чертах повторила то, о чем говорила В. Д. Дандевилью, но в еще более жесткой форме. Она утверждала, что по собственному желанию предложила хозяину выставить ее в качестве приза на скачках «в надежде, что ее по старости никто не возьмет»⁸⁰. Кстати, по ее словам, это «действительно и случилось», то есть С. Мусульманов позволил выставить ее в качестве приза, несмотря на жесткий запрет В. Д. Дандевилья⁸¹. Рабыня эмоционально утверждала, что «желает навсегда остаться в этом добром семействе, тем более что она при жизни родителя их не видала себе никакого стеснения, а теперь называется их матерью»⁸². Женщину даже вызывали в Оренбург, но там она повторила в общих чертах те же показания, которые давала в степи⁸³.

Вся эта история могла бы остаться забавным казусом, если бы несчастный А. Кутебасов не скончался в остроге, причем, к чести российских властей, они при-

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 27.

⁷⁵ Там же. Л. 27 об. — 28.

⁷⁶ Там же. Л. 28.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Л. 27 об.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

знали, что это произошло именно вследствие заключения, которого «он, как человек зажиточный, а, следовательно, и уважаемый, привыкший к вольной жизни, не мог вынести и умер»⁸⁴. С учетом этого, Оренбургская пограничная комиссия признавала, что покойный совершал нарушение, держа у себя рабыню, но «поступок Кутебасова не имел той важности, какой ему придали при начале дела, и далеко не соответствует последствиям»⁸⁵. В итоге в июле 1859 г. власти приняли решение рабыню отпустить, семью Кутебасова никаким дополнительным наказаниям не подвергать, а наказать только С. Мусульманова, сняв его с должности, причем даже не за то, что на вверенной ему территории с его ведома проживала рабыня, а «за неисполнение приказа Полковника Дандевилля о невыставке на приз авганки»⁸⁶. Впрочем, у этой истории было и положительное последствие — было решено снова разослать «циркуляр о воспрещении держать невольников», на этот раз уже более основательно, «поименно местным, дистанционным и аульным начальникам и родоправителям»⁸⁷.

Все три рассмотренных нами случая роднит индивидуальная стратегия ассимиляции, выбранная рабынями. Ни Н. Кужентелова, ни А. Хисамутдинова, ни Б. Мурхаджубекова не предпринимали никаких шагов для того, чтобы выйти из рабства, хотя в принципе возможности для этого у них были: достаточно было обратиться к российскому чиновнику или торговцу с заявлением о своем рабском статусе. Но вместо этого все три женщины де-факто сделали ставку на ассимиляцию в чужое общество, в которое они попали рабынями, причем во всех трех случаях конкретным способом ассимиляции было вхождение в семью хозяина. Н. Кужентелова и Б. Мурхаджубекова добились в этом успеха: первая вышла замуж за свободного кочевника, причем, видимо, счастливо, а вторая после формального освобождения российскими властями просила у этих властей исключительно о том, чтобы они дали ей вернуться в семейство бывшего хозяина, в котором позиционировала себя матерью. Что касается А. Хисамутдиновой, то она не смогла реализовать ту же стратегию, по собственному признанию, исключительно потому что не нашла себе в обществе пленителей жениха по ее желанию. В то же время следует учитывать, что все три женщины не имели связей на родине: Б. Мурхаджубекова была рабыней с детства, Н. Кужентелова не имела родственников в родном племени, и только у А. Хисамутдиновой в Петропавловске были мачеха и троюродный брат, но она не сразу решилась отправиться к ним, то ли не зная об их существовании, то ли не будучи уверенной, что ее примут.

Итак, на первый взгляд аномальное поведение рабынь, не пытавшихся вырваться из рабства, в полном соответствии с той логикой микроистории, о которой пишет К. Гинзбург, оказывается объяснимым и логичным, если поместить эти факты в соответствующую серию, серию фактов о рабах лояльных России кочевников, не желавших после освобождения покидать хозяев, и изучить их с анализом индивидуальных стратегий. При этом, что особенно важно, более подробно зафиксированные в документации индивидуальные стратегии этих женщин объясняют

⁸⁴ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 28 об.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Л. 29.

⁸⁷ Там же.

и схожие стратегии рабов-мужчин, среди которых также имелись люди, не желавшие покидаться своих хозяев и называвшие их отцам» или братьями.

Два других случая среднеазиатских женщин-рабынь, чьи индивидуальные стратегии нам удалось установить, были зафиксированы в несколько иных обстоятельствах и менее подробно. При этом первый из этих случаев также относится к концу 1850-х гг. Ханым-Донан Ибрагимова, женщина 34 лет, о болезнях которой упоминаний в документах нет, была освобождена умирающим хозяином⁸⁸. Однако получившая свободу рабыня не нашла для себя лучшей роли в степи, кроме как «прокармливаться подаянием»⁸⁹. В итоге в Оренбург ее «из сожаления привезли» некие русские (не ясно, купцы, чиновники или офицеры), и только тогда она выразила желание отправиться на родину, в Бухару⁹⁰. Случай Х.-Д. Ибрагимовой прекрасно иллюстрирует, какой судьбы для себя могли опасаться рассмотренные выше рабыни в случае освобождения. К сожалению, мы не можем полноценно проанализировать индивидуальную стратегию Х.-Д. Ибрагимовой как раз потому, что ее текущее положение не вызвало никаких вопросов у русских чиновников, и они без всякого расследования согласились отправить ее на родину, где она надеялась найти родственников⁹¹. Однако данный случай наглядно показывает одну из наиболее вероятных альтернатив индивидуальной стратегии ассимиляции в обществе пленителей: освобождение без помощи кого-то из местных жителей или российских властей означало для рабыни (как, впрочем, и для раба) необходимость самой прокармливать себя в степи с риском в итоге питаться подаянием.

Обратимся, наконец, к единственному выявленному нами случаю, когда женщина самостоятельно сбежала к российским властям от хозяина-кочевника. Случай этот хронологически сильно отдален от рассмотренного нами выше периода и относится к самому началу XIX в. В 1805 г. к русским вышла женщина с ребенком, чье имя фиксировалось в документах по-разному: как Низгалтая, Назылтая и Кигалтая⁹². Она была захвачена в детстве в пределах Российской империи, по достижении совершеннолетия взята в жены одним из своих пленителей и сбежала от него только в достаточно зрелом возрасте (ее старшему сыну было 12 лет), потому что «назад тому ныне третий год помянутый муж ее Назаров стал отнимать часть ее скота, делал побойство, выгонял из кибитки и, наконец, отказывал от пищи»⁹³. Таким образом, даже сумевшая в итоге самостоятельно сбежать из степи женщина первоначально избрала индивидуальную стратегию ассимиляции в общество своих порабощителей через семью хозяина, а сбежала только после более, чем десятилетнего брака, после изменения своего положения в худшую сторону, когда муж стал тиранить ее. К сожалению, документация об этой явно необычной женщине скудна, но в ней очень интересна часть приведенной выше цитаты, согласно которой «муж ее Назаров стал отнимать часть ее скота». Если здесь нет ошибки, то выходит, что она настолько ассимилировалась в общество кочевников, что даже имела в нем собственный скот, не принадлежавший ее мужу. Кроме того, заслуживает

⁸⁸ Дело о высылке на родину азиатов, освобожденных из киргизского плена. Л. 34.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Л. 34 об.

⁹¹ Там же.

⁹² Дело о переходе женщины с сыном на российскую сторону из киргизского плена // ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 149. Л. 1–3.

⁹³ Там же. Л. 1 об.

внимания тот факт, что Низгалтая была захвачена совсем ребенком (ей было около трех лет), вместе с матерью, и, по-видимому, не знала, остались ли у нее другие родственники⁹⁴. Соответственно, в данном случае мы снова имеем дело с ситуацией, когда индивидуальную стратегию ассимиляции в общество своих порабитителей избрала девушка, не имевшая родственников на родине.

Переходя от «бесспорных исключений и краткосрочных причин» к «общей картине исторического процесса», мы должны признать, что едва ли когда-нибудь удастся точно установить, насколько была велика у кочевников Средней Азии доля невольников, избравших индивидуальную стратегию ассимиляции в обществе своих пленителей. Здесь мы сталкиваемся как раз с искажающим эффектом документации. В документации российских властей эти невольники вообще почти не фиксировались, кроме периода конца 1850-х — начала 1860-х гг., поскольку пленники, желавшие стать частью общества кочевников, до того времени просто мало контактировали с российскими властями. Однако из приведенных выше фактов следует, что такие невольники существовали, и в сохранившейся документации российских властей рубежа 1850-х и 1860-х гг., когда происходил процесс их освобождения российскими чиновниками, они составляли заметную долю зафиксированных рабов.

Тот факт, что часть местных рабов успешно реализовывала индивидуальную стратегию ассимиляции в обществе своих пленителей, важно учитывать при анализе борьбы с рабством в Средней Азии, предпринимавшейся Российской империей в XIX столетии. Освободить людей, не желающих освободиться, было сложно и малоэффективно, а жесткие меры против хозяев подобных людей оказывались бессмысленны и негуманны. Фактически в рамках подобной стратегии раба, российский чиновник, принимавший решение о его «освобождении», то есть о сепарации от общества кочевников-пленителей, оказывался не освободителем, а врагом, а добрый хозяин выступал союзником и другом (ярким примером чего может служить трагическая история В. Д. Дандевила, А. Кутебасова и Б. Мурхаджубековой).

В то же время, с учетом того, что успешная ассимиляция раба в общество пленителей в рассмотренных нами случаях происходила через принятие в семью хозяина, оказывается невозможным однозначно провести грань между женой и рабыней, усыновленным ребенком и рабом в обществе лояльных России кочевников. Мы считаем необходимым отметить данный факт еще и для того, чтобы подчеркнуть: выбор частью невольников индивидуальной стратегии ассимиляции в общество своих пленителей был продиктован рациональной причиной, и в определенных условиях эта стратегия оказывалась вполне эффективна. Кроме того, ее выбору и последующему успеху могли способствовать дополнительные факторы: из пяти рассмотренных нами женщин наиболее успешно ассимилировались те три пленницы, у которых не осталось родственников на родине (включая Низгалтаю, которая в итоге сбежала, но по возникшим позднее причинам).

Соответственно, мягкая по отношению к кочевым рабовладельцам политика А. А. Катенина, в рамках которой рабам предоставлялся выбор между возвращением на родину и возможностью после формального освобождения остаться жить у хозяев, причем эти хозяева не подвергались наказанию, оказывается вполне

⁹⁴ Дело о переходе женщины с сыном на российскую сторону из киргизского плена. Л. 1–3.

обоснованной. Интересным элементом подобной политики, кстати, было то, что в дальнейшем раб мог поменять свое первоначальное решение. Так, в 1859 г. к российским властям обратился персидский подданный Н. Каринбаев, заявивший, что он «находится в рабстве» у Т. Джарлыгапова⁹⁵. Т. Джарлыгапов, в рамках уже знакомой нам логики защиты рабовладельцев от обвинений, заявил, что «купил его не в рабство, а вместо сына»⁹⁶. Однако из числа прочих подобных случаев данный выделяет то, что, как оказалось, в 1852 г. Н. Каринбаева вместе с другими рабами, освобождаемыми по циркулярному предписанию В. А. Перовского, вызывали к российским властям, однако он «пожелал остаться у своего хозяина, так как ему у него жить хорошо и он почти находится у него за сына»⁹⁷. Таким образом, как мы видим, после формального освобождения реальный статус раба, решившего остаться в семье хозяина, мог не меняться, но он мог передумать и действительно освободиться через несколько лет.

Итак, в конечном счете «невольничьи повествования» женщин, оказавшихся в рабстве у кочевников Средней Азии в XIX в., оказываются важны не только для того, чтобы понять их судьбу и индивидуальную стратегию. Они позволяют уточнить «общую картину исторического процесса» «за счет выявления бесспорных исключений и краткосрочных причин» (формулировки К. Гинзбурга)⁹⁸. В этих текстах достаточно подробно зафиксирована одна из возможных стратегий приспособления к рабству, актуальная для конкретного региона в конкретное время. Оказывается, что часть невольниц лояльных России кочевников была ассимилирована в общество своих хозяев задолго до формального освобождения, причем наиболее распространенной формой этой ассимиляции было принятие в семью владельца в качестве жены или даже матери. При этом документация, связанная с рабынями, может быть помещена в серию текстов, посвященных рабам, в числе которых также были люди, не желавшие покидать хозяев и позиционировавшие их в качестве своих отцов или братьев. В конечном счете это заставляет более дифференцированно взглянуть на процесс освобождения Российской империей рабов в Средней Азии: в числе освобожденных были как люди, действительно спасшиеся благодаря России от хозяев, так и те, для кого освобождение стало формальностью, и они остались жить с бывшими владельцами, членами семей которых давно считали себя.

References

- Anderson K. M., Tal'skaia O. D. Obosnovanie sredneaziatskoi politiki Rossiiskoi imperii v kontekste "Bol'shoi igry". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 22–30. (In Russian)
- Asanova S. A. Orenburgskii i samarskii general-gubernator A. A. Katenin i ego vzgliad na perspektivy vzaimodeistviia v kirgizsko-turkmenском pogranič'e. *X Bol'shakovskie chteniia. Orenburgskii kraj kak istoriko-kul'turnyi fenomen*. Orenburg, Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Press, 2020, vol. 1, pp. 67–71. (In Russian)
- Ginzburg C. Mikroistoriia: dve tri veshchi, kotorye ia o nei znaiu. *Ginzburg C. Mify-embemy-primety: Morfologiia i istoriia*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, pp. 287–320. (In Russian)

⁹⁵ Дело об отправке на родину азиатов, освободившихся из киргизского плена. Л. 14.

⁹⁶ Там же. Л. 14 об.

⁹⁷ Там же. Л. 15 об.

⁹⁸ Гинзбург К. Микроистория. С. 312.

- Ismailova S. K. Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX — nachale XX v. *Izvestiia Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, 1973, no. 2 (72), pp. 20–30. (In Russian)
- Ivanin M. I. *Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu*. St. Petersburg, Tipolitografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol’za” Publ., 1874, 268 p. (In Russian)
- Kochnev A. V. Rossiiskie poddannye v Khivinskom plenu v kontse XVIII — nachale XIX v.: puti resheniia problemy i posledstviia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 423, pp. 100–104. (In Russian)
- Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021, 641 p.
- Peretyatko A. Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves’ Testimonies as a Historical Source. *Bylye gody*, 2023, issue 18 (2), pp. 619–632. (In Russian)
- Pochekaev R. Iu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral’noi Azii: XVIII — nachalo XIX v.* Moscow, HSE Publishing House, 2017, 384 p. (In Russian)
- Pochekaev R. Iu. Uchastniki rossiiskikh morskikh ekspeditsii o mezhdunarodnopravovom polozhenii kochevnikov Vostochnogo Prikaspiia v XVIII–XIX vv. *Novoe proshloe*, 2019, no. 4, pp. 132–145. (In Russian)
- Sevast’ianov S. N. Sobytiia v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiiu v Khivu 1839–1840 gg. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, issue 16. Orenburg, Parovaia tipolitografiia F. G. Karimova Publ., 1906, pp. 95–148. (In Russian)
- Šmigel’ M. Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the “Live Goods”. *Slavery: Theory and Practice*, 2020, no. 5 (1), pp. 19–36.
- Sunderland W. The Greatest Emancipator: Abolition and Empire in Tsarist Russia. *Journal of Modern History*, 2021, vol. 93, no. 3, pp. 566–598.
- Terentev M. A. *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii*, vol. I. St. Petersburg, Tipolitografiia V. V. Komarova Publ., 1906, 511 p. (In Russian)
- Udler I. M. Afroamerikanskie “nevol’nich’i povestvovaniia” kak dokumental’nyi istochnik istorii rabstva v SShA. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2009, no. 5 (143), pp. 118–123. (In Russian)
- Udler I. M. Stanovlenie i evoliutsiia dokumental’no-publitsisticheskogo zhanra “nevol’nich’ego povestvovaniia” v XVIII–XIX vekakh. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*, 2009, vol. 1, no 3, pp. 88–93. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.

Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.

Received: February 10, 2024

Accepted: July 15, 2024